

over half of a year. The ethnic subgroup of Russians that lived on the shores of the Arctic Ocean became known as Pomors ("seaside settlers"). Gradually they developed a special type of small one- or two-mast wooden sailing ships, used for voyages in the ice conditions of the Arctic seas and later on Siberian rivers. These earliest icebreakers were called kochi. The Koch's hull was protected by a belt of ice-floe resistant flush skin-planking (made of oak or larch) along the variable water-line, and had a false keel for on-ice portage. If a koch became squeezed by the ice-fields, its rounded bodylines below the water-line would allow for the ship to be pushed up out of the water and onto the ice with no damage [4, 119].

In the 19th century, similar protective measures were adopted to modern steam-powered icebreakers. Some notable sailing ships in the end of the Age of Sail also featured the egg-shaped form alike that of Pomor boats,

for example the famous Fram, used by Fridtjof Nansen and other great Norwegian Polar explorers. Fram is said to be the wooden ship to have sailed farthest north (85°57'N) and farthest south (78°41'S), and perhaps the strongest wooden ship ever built.

Список литературы

1. Воробец, Л.В. Проблема политкорректности в аспекте межкультурной коммуникации // Вестник Костромского Государственного университета им. Н.А. Некрасова, 2012, Основной выпуск. – Т.18. – № 2. – С. 57-60.
2. Першина, Е.Ю. Английский язык для кораблестроителей. Часть 1. Бакалавриат: учеб. пособие / Е.Ю. Першина. – Комсомольск-на-Амуре, ФГБОУ ВПО «КнАГТУ», 2014. – 128 с.
3. Першина, Е.Ю. Научная иноязычная речь магистров технических направлений: компетентностный подход // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2014. – № 9. – Ч. 1. – С. 138-142.
4. Тарануха, Н.А. Английский язык для транспортных специальностей вузов. В 2 т. Т. 1. Базовый профессиональный курс: учеб. пособие / Н.А. Тарануха, Е.Ю. Першина. – М.: СОЛОН-Пресс, 2011. – 280 с.

Секция «Зарубежная литература», научный руководитель – Балтабаева Г.С., д-р филол. наук, профессор

НОВЕЙШАЯ РУМЫНСКАЯ ПОЭЗИЯ

Абдимананова А.Д., Балтабаева Г.С.

Центрально-Азиатский университет, факультет
гуманитарных наук и педагогики, Алматы,
e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

Назовем, во-первых, Дана Комана – поэта-фантаста, который питает свое вдохновение визионаризмом предшествующей румынской поэзии и склонностью к автоиронической игре, к бутафории дендизма. Внимая своему поэтическому темпераменту, поэт в глубоком поиске соединяет экспрессионизм и сверхреализм, слишком серьёзно воспринимая самого себя. Так он создает портрет самого себя, внимательно изучая его, нередко любуясь и в то же время высмеивая: «В послеобеденные часы я заставляю плыть над своей головой круги дыма \и даже половину своего тела поднимаю над своей головою. Сажу я в кресле и смотрю на себя: вот мои тонкие, мои прекрасные руки». Или в другой гипотезе: «Я очень красивый, я необычный и чувствую, что готов есть самого себя. Особенно теперь, когда этот мелкий баран \вонзает в меня свои фосфоризирующие рога \ (когда я выдыхаю над изысканными платьями, \тысячи светящихся точек ложатся на ткани / и женщины мною очарованы)».

В его поэмах, которые только по виду исповедальны, а на самом деле развивают самые странные сценарии, со всеми светящимися и фосфоризирующими деталями, нет ничего ясного и светлого. Эти сценарии говорят о глубоком беспокойстве поэта, подавленно-го необъяснимой смиренностью, даже беспричинной, метафизической боязнью, спецификой тем, которые гримасничают в самом разнообразном виде, чтобы избежать встречи с самим собой и с другими. Собственно говоря, его риторические отступления замещают врачевание через исповедь. Это объясняет, почему поэзия Дана Комана, поэзия метафизического ужаса, переводимого в истрионизм, сильно выделяется в новой поэтической волне.

Поэзия другого представителя этого поколения – К.Комартина располагается между риторическим прозаизмом, берущим истоки из его описательной наклонности и связи с реальностью, и ин-теллектуализированным сентиментализмом. Эти две тенденции Комартина ясно выявляют себя, но редко действуют одна без другой, и, когда это случается, мы имеем дело с менее художественными его вещами. Переплетение двух указанных тенденций в самых известных его стихотворениях придаёт некую изысканность реально-

сти, фильтруемой через поэтическое чувство, немного усиленное риторикой. Мировоззрение большинства молодых поэтов отличается темными красками, которые отмечают в лирическом «я» ноты наказанного жесткой действительностью маргинала, не находящего своего места в этой действительности. Герой, подобно романтическому поэту, не находит оазисы света и привычной жизни. Когда это мировоззрение сопровождается автоиронией и даже беспощадностью, тогда получаются отличные поэтические результаты, дающие надежду на то, что из среды двухтысячников вырастут два или более создателей первой величины. Правда, за последние два-три года их поэзия в печати появляется всё реже. Но всякий живой организм нуждается в перерывах, чтобы собрать свои силы, вырасти и созреть. Именно это происходит с молодой поэзией, которой необходимо время для того, чтобы пересмотреть уже созданное, переваривать и уточнить свой собственный дискурс, максимально приспособивая его к собственному видению мира и к собственному осмыслению языка и культуры, которым она в большинстве своем не придаёт никакого внимания.

Список литературы

1. Dan C. Mihailescu. Literaturaromana in postcausism. T.I. Memorialisticasautrecutulca re-umanizare. – Iasi: Polirom, 2004.
2. Marin Mincu. Opanorama critica a poezieiromane din secolul al XX-ea. – Editura «Pontica». – Constanta. – 2007.
3. Manoles CuN. Istoriacriticaa literaturiiromane. – Bucuresti. 2008.

НЕОРЕАЛИЗМ И ВЕРИЗМ. РОМАН-ПАРАБОЛА В РУМЫНСКОЙ ПРОЗЕ

Абдреш А., Абиден А., Балтабаева Г.С.

Казахский государственный женский педагогический
университет, Алматы, e-mail: dilfuza.talenova@mail.ru

Проза 90-х годов XX века отражала в той или иной степени социальную и идеологическую атмосферу эпохи. Как и кинематографическое искусство, она допустила проникновение низких социальных аспектов, гротескно усиливая их. Агрессивность языка и атмосферы тех лет, обычно, облагораживается нарративной эм-патией к сумашедшему, кошмарному миру люмпен-пролетариата или тех, кто вечно теряет. В этой прозе последний период правления Чаушеску становится фоном великих человеческих драм, представленных в текстах, которые во что бы то ни стало не хотят быть «литературными», не культивируют эстетическое, предпочитая жесткие, металлические тональности и безрадостные перспективы. На одной странице подобных произведений – больше жизни,